МЫ — ПЛОТНИКИ НЕЗРИМОГО СОБОРА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
СБОРНИК РАССКАЗОВ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО БРЭДБЕРИ!

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

SHOUT
SHARE
IT

- Рэй Брэдбери

Рэй Брэдбери

Починка Железного Дровосека

Посвящается Дж. Б. Ш.

Научная фантастика — с умом, и сердцем, и мужеством!

Весною 1954 года, когда я только-только закончил работу над сценарием «Моби Дика» для режиссера Джона Хьюстона, мой лондонский издатель получил письмо от лорда Бертрана Рассела, в котором тот благосклонно отзывался о моем последнем романе «451 градус по Фаренгейту».

Лорд Рассел приглашал меня навестить его ненадолго в какой-нибудь ближайший вечер. Я прямо-таки вцепился в эту возможность.

В поезде по пути к нему я запаниковал.

«Боже, — думал я, — что я могу сказать величайшему философу нашего времени? Я — лилипут, мельтешащий в его тени?»

В последний момент меня озарило — теперь я знал, как начать беседу. Я позвонил в дверь, и меня встретил невероятно дружелюбный лорд Рассел и усадил пить чай в компании леди Рассел.

В величайшем смущении я выдавил из себя:

— Лорд Рассел, несколько лет назад я предсказал своим друзьям, что если вы когда-либо задумаете писать короткие рассказы, то они неизбежно окажутся научно-фантастическими. Когда в прошлом году вышел ваш первый сборник рассказов, именно так и произошло!

— Действительно, — улыбнулся лорд Рассел. — О чем еще можно писать в наше время?

И наша беседа сорвалась с места в карьер.

То же самое можно было бы сказать и сегодня. Осмелюсь вообразить, что если бы Бернард Шоу был жив и нацеливался бы своей бородой на что-нибудь остро современное, то он стрелял бы зарядами научной фантастики.

Ибо разве не очевидно, в конце концов, что:

Те, кто не живет будущим, попадут в западню и сгинут в прошлом?

Равно, как и те, кто предает забвению историю, обречены пережить ее заново. Истина, высказанная выше, вдвойне актуальна. Ибо, посмотрите, что мы обсуждаем каждый божий день, час и минуту?

Будущее.

Больше обсуждать нечего!

Что ты будешь делать через час?

Это и есть будущее.

А завтра утром?

Это и есть будущее.

На той неделе? В следующий месяц?

Будущее.

В следующем году? Через двадцать лет?

То же самое.

Мы всегда строим планы на ближайшие минуты, времена года, на пору зрелости и увядания.

Так почему же квазиинтеллектуалы, просто интеллектуалы и прочие высоколобые мыслители относятся к научной фантастике с презрением? Или в упор ее не видят, если вообще о ней задумываются?

Конечно, большая часть научной фантастики пала под ножищами роботов.

Слишком уж многие одаренные воображением писатели за говорящими механическими деревами не увидели человеческого леса. Они с головой ушли в компьютеризацию ракет и редко задаются философским вопросом о том, на кой черт они нам вообще нужны!

Перечитывая пенталогию «Назад к Мафусаилу» и пространные примечания к ней, я жалел, что Шоу несколько лет всего лишь не дожил до появления замечательного мюзикла «Поющие под дождем». Почему? Усидел бы Старик в темноте кинозала, созерцая малоубедительное подобие насыщенной технологиями творческой жизни? Осмелюсь предположить, что да. Судя по названию, может показаться, что фильм изображает пляшущего оптимиста с зонтом или без оного, вымокшего до нитки, но не подозревающего об этом, ибо он влюблен в жизнь. Но едва ли в этом заключается философский смысл мюзикла.

Философский смысл?

Именно. Ведь этот фильм — фантазия на тему будущего в самый разгар Двадцатых годов, когда немое кино вдруг прокашлялось и принялось горланить песенки. Мало того, оно к

тому же еще выпрямило спинку и заговорило! В двух словах, это фантазия о науке, которая превратилась в технологию, а последняя вживила в горло каждого черно-белого манекена на экране голосовой аппарат.

Насколько мне известно, «Поющие под дождем» — единственный когда-либо снятый научно-фантастический мюзикл. Сотрите музыку — все равно останется сюжет: изобретение звука и его сокрушительные последствия, или как выстроить простую, примитивную, но практичную философию, дабы восполнить пробел между немотой, потерей, а затем обретением работы — уже в звуковом кино?

Такая проблема возникает, как только на горизонте угрожающе замаячит новая технология, не правда ли? Предполагалось, что из-за компьютера миллионы людей лишатся работы. Да? Нет. Все, кто потерял работу, быстро ею обзавелись, причем в более освещенных офисах, в более высоких небоскребах, в более уютных жилищах. Телевидение должно было выбросить на улицу тысячи тысяч сотрудников радио. Да? Нет. Они вновь получили свою работу — на тысячах телестанций, тогда как радиостанций в те времена было всего несколько сотен.

Все это стало бы пищей для его ума и интеллектуальной жевательной резинкой для пережевывания в сумерках утреннего сеанса.

Возьму на себя смелость заявить, что можно было бы прокрутить первые полчаса «Поющих под дождем», выключить проектор, повернуться к Шоу и спросить:

— А что будет дальше? Как звуковое кино отразится на актерах, на студиях, на всем мире?

— Боже праведный! Посторонитесь! — воскликнул бы Шоу. — Нет, не надо показывать, что будет дальше. Я сам допишу все сцены, диалоги и прочую славную галиматью в вестибюле. Где моя авторучка?

Мы же знаем Шоу: спустя несколько часов он раскусит, разложит по полочкам и распишет каждый шаг Джина Келли и хора под непрерывно льющим дождем.

Затем, сидя в ложе кинозала со свежим сценарием, только что записанным его дрожащими от нетерпеливого любопытства руками, и просматривая остальные части ДОЖДЯ, он бы присвистывал от восторга.

— Видите? Я угадал. Вот! Вот! И вот! Всё целиком! Браво Андроклу и льву «Эм-Джи-Эм»! Браво мне!

Затем я бы дал ему почитать одно из лучших стихотворений Уильяма Батлера Йейтса «Плавание в Византию».

В заключительных строках этого стихотворения я увидел

отклик на жизнь, мировую историю, науку, изобретательство, научную фантастику — и Шоу.

Весьма увесистая порция. Попробуем ее усвоить. Кусочек за кусочком, по порядку.

Сперва цитата:

«О прошлом, преходящем и грядущем».

Вся история зверочеловека, человекозверя, человека из холодной пещеры и знойных египетских песков, вплоть до холодных берегов Луны, и все, что попадает в этот промежуток. Ничего себе трапеза, да? Но Шоу с удовольствием принялся бы за такое угощенье. Почему? Да потому, что все наше прошлое, все, что касается человечества, и есть научная фантастика.

Конечно, науки там не густо, зато прорва фантастики! Искусство воображать сегодняшний день, сегодняшнюю ночь, завтрашний рассвет.

Невозможно? Несбыточно? Тогда взглянем на другого автора.

Поразительный фильм Герберта Уэллса «Облик грядущего» заставил многих юношей вроде меня выбежать из кинотеатра в состоянии Становления. В последующие годы я стал самим собой, тем, кто я есть. В ту пору мне минуло шестнадцать, и мне было необходимо, чтобы кто-то разогнал мне по жилам кровь. Это удалось Уэллсу, который угадал в существе под названием человек потребность в Факторе Становления, неведомом для животных. Они живут неосознанно, инстинктивно, но мы наследуем этот лишний ген, мы знаем, что мы знаем. И с этим знанием, ужасающим и возвышающим, мы лихорадочно развиваемся, стремительно передвигаемся, чтобы в нас не вонзились клыки, не пролилась кровь и чтобы мы не прекратили существование. В этом слиянии мы менее всего принадлежим Дарвину, но более — Ламарку. Ведь именно Ламарк сказал, что жираф мечтает о шее подлиннее, тем самым воздействуя на свои гены, чтобы они становились тем длинношеим животным, которое дотягивается до плодов, цветов и листьев на верхушках деревьев. Дарвинисты на это: выживает, мол, сильнейший, благодаря сноровке, а вовсе не мечтаниям о длинной шее, которые якобы упорядочивают гены и формируют надлежащий спинной мозг.

Тем не менее, заманчиво было бы поразмышлять о том, что поскольку мы, люди, осознали свой разум, то мы и начали давать наставления своим генам и хромосомам, как себя вести. Мы грезим о длинной шее, строим ее и дотягиваемся до Луны, до Марса, до Вселенной. Карл Саган не согласен, что дело всего лишь в выживании сильнейшего, возведенном в n-ую степень. Мы — конечный продукт череды промахов и неудач, увенчанной

последним звеном — человеком выживающим. Его мечты и достижения — не Ламарковы, сколько бы они ни напоминали техногенных жирафов с телескопическими шеями, достающими с мыса Канаверал до кратера Коперника. Откликаясь на оба учения, я, пользуясь случаем, сколотил пеструю компанию попутчиков и посадил их в поезд, мчащийся до Края Земли или Космоса. С головой, битком набитой, как портмоне, идеями, причудами и понятиями, Шоу следовало бы познакомиться с Никосом Казандзакисом.

Ведь именно Казандзакис вскоре после Шоу опубликовал свою удивительную книгу «Спасители Бога». Его возглас, подобный восклицаниям Шоу о Жизненной Силе, был прямолинеен: «Господь вопиет о спасении. Мы — его Спасители».

Иными словами, зачем сажать лес и рубить дерево, если нет очевидцев обыкновенного чуда. Старинное высказывание: если дерево падает никем не замеченным, то падает ли оно, существует ли оно вообще? Вселенная, Космос, колоссальные пространства, измеряемые световыми годами, просуществовали без Свидетелей столько миллиардов световых лет, сколько можно насчитать без запинки. Казандзакис говорит, что мы призваны (а Шоу изрек это еще раньше) открыть невозможное, неизъяснимое, циклы бурной жизни здесь и в мирах столь далеких, что мы никогда о них не узнаем. Несмотря на это, мы грезим о них в наших фантазиях и возносимся ввысь. Мы — Зачинатели. На нас смотрят. Десятки миллионов родились и умерли до нас. Они — сладостная ноша, которую мы должны унести в Космос. Наша судьба зародилась в тот день, когда был изобретен первобытный глаз как простейшее отражение в глазах животного, который стал видеть и познавать, а в один прекрасный день осознал, что в небе есть нечто — таинство звезд.

В наш новый блистательный век мы видим, как нарастает поток космических полетов с мыса Канаверал. Это наши мечты взмывают с трехсотфутовых стартовых башен, этих истинных смирительных рубашек для Кинг-Конга, орудийных установок для стрельбы по Времени, Расстоянию и Невежеству. Шоу проводил бы здесь свои каникулы для поддержания духа. Представьте, как он снует по флоридским дюнам, берет интервью у астронавтов, но когда они отвечают, слышит только свое.

Почти одновременно с нашими прилунениями, электронный мозг, сначала величиной с огромный дом, потом с комнату, кабинку и, наконец, шкаф, ужался до таких размеров, что стал умещаться у нас на коленях или на запястье. Каспаров обыграл шахматный компьютер и тем самым записал победу в актив человечества? Чушь! Сентиментальный вздор! Шоу первым

написал бы пьесу, в которой компьютер был бы осужден за мошенничество, ибо, как нам известно, против Каспарова играла не просто машина, а три десятка человек, которые влили свою гениальность в нервные окончания Немого Игрока. Компьютер только внешне похож на машину. А нейронные окончания, желудочные соки, живительная кровь, пот и огонь ганглиев прячутся внутри, замаскированные проводкой, схваченные десятком тысяч точечных сварок. Такие никогда не вызывали у меня восхищения. В гостях у «Эппл компьютерс» или на других предприятиях, выпускающих замысловатую электронику, когда гид вопрошал:

— Разве это не восхитительно?

Я взрывался:

— Нет!!!

Потрясенные, они спрашивали, что я хочу этим сказать.

— А то я хочу сказать, что восхищения достойны не эти железяки, а вы. Вы достойны восхищения. Все это — вам пригрезилось. Вы это начертили. Вы построили. Вы наделили это процессом, мечтой, электронным воображением. Машина не знает о своем существовании. Это вы существуете! Это перед вашим божеством преклоняюсь я. Компьютер не может превзойти Каспарова. А вот легион умов из плоти и крови, упрятанный в компьютер, может! Восславим же Каспарова! Славьтесь батальоны «Эппл»!

Прежде всего, сам человек — Душа машины. Подъемная сила под крылом наших самолетов — не чудо. Это человек оторвал самолет от земли, открыв невидимое присутствие «подъемной» силы. Все незримое делает видимым и осязаемым именно человек. Рентгеном и микроскопом Человечество сорвало завесу со скелетов, упрятанных в живой плоти. Затем впервые в истории Земли были обузданы и уничтожены бактериальные аннигиляторы.

Для Шоу все эти изобретения стали бы возбудителями Жизненной Силы. С ноутбуком, вместо Моисеевой скрижали, Шоу вдохнул бы новую жизнь в современный театр и вложил бы в него свою душу, перещеголяв Уэллса и всех нас, вместе взятых.

Уэллсу, последним трудом которого была печальная книга «Разум на привязи», Шоу крикнул бы:

— Сиди, Герберт Джордж, не двигайся! Твоя привязь опутывает весь мир, охватывает Сатурн, чтобы тебе удалось дотянуться до Центавра. Конца нет, а есть только вечное Начало. Залог этого — к примеру, мое поведение. Тоска сама загоняет себя в гроб. Пессимизм — это самовнушенное предсказание. Пусть мыс Канаверал станет предновогодним Четвертым июля.

Пусть все заржавевшие пусковые башни встрепенутся и оживут от жидкого кислородно-водородного пламени. Пусть каждая стартовая башня превратится в рождественскую елку, украшенную жизнью в вышине — Где Угодно, Только Не Здесь. Дорогой Герберт Джордж, «Гамлет» вполне может начаться с надгробий и призраков, продолжаться черепами и могилами, заканчиваться суицидом и убийством, но я собираюсь написать для себя новый текст, Г. Дж, и не от могилы к могиле, от смерти к смерти, а от одной стартовой площадки — к другой стартовой площадке, от огнедышащих ракет и от людей, возвышающих свой ликующий гневный глас против Неизведанного. Приди же, Г. Дж., отринув отчаяние. Мыс Канаверал — это ясли-детсад Времени, Эволюции и Бессмертия. Не оскверняй его. Напяль-ка на себя этот дурацкий шлем и вострубы трубою. Беги, оставляя следы, которые сметет огненный вихрь Последней Ракеты, нацеленной на великую Космическую стену.

Как я уже сказал, будь Шоу жив сегодня, он осмелился бы поучать гравитацию, выговаривать Конгрессу, упрекать бездельников и всезнаек, которые ничего не проповедуют. Затем он уселся бы в ракету и стартовал, с целью обогнать все космические корабли, летящие со скоростью света, и кричал бы:

— Если я не Дух Святой, то кто же еще?

На что мы, провожая его взглядом, ответили бы:

— Если ты не Господь Бог, то ты сойдешь за него, пока суд да дело.

Говоря так о Шоу и Научной Фантастике, мы затем должны привести Гектора Берлиоза в сопровождении его громоподобных барабанов и батальона духовых, чья Фантастическая симфония вполне могла бы вполне называться Симфонией Невероятного Будущего. Ибо именно Берлиоз не только мастерски писал короткие рассказы, но и создал выдающуюся автобиографию. В своем очерке «Эвфония, или Город музыки», из книги статей и очерков «Вечера в оркестре», он совершает редчайший прыжок в будущее. В этом повествовании он воображает некий город в 2344 году, где все обитатели до единого исполняют музыку, поют или играют, либо экспериментируют с акустикой и звуком.

Ну и что с того? Я предлагаю катапультировать Шоу из могилы, чтобы он столкнулся в небе над Флоридским заповедником космической жизни с Берлиозом, запущенным в полет аналогичным образом — пусть они приземлятся у ближайшей заброшенной пусковой башни, дабы расцветить сие великое древо праздничными нотами и огнями. Здесь Берлиоз сочинил бы архитектонику Эвфонии и продирижировал бы на раскаленной площадке на закате в канун Исхода симфонию

Отправления и Прибытия, чтобы нас, освобожденных от земного тяготения, раскрутила центробежная сила планетарного маховика и бесповоротно вышвырнула на Центавра, где произойдет возрождение и утверждение бессмертия Человечества, как обещал, предсказал и описал Дж. Б. Ш., по прозвищу Шарлатан. И если сердце и кровь Мафусаила не пустятся вскачь в кругосветное путешествие, то я сдаю свою интуицию в химчистку.

Залог того, что наши плоть и кровь будут заброшены к далеким мирам — воображение человека, а не только сноровка и экспериментаторство, сила необузданных желаний, неутолимая жажда и фантастические мечтания. И не одни лишь нелепые случайности, а бодрствующая интуиция, планирование, построение и кульминация.

Берлиоз и сам Шоу могут позволить Шоу написать трактат, стихи и пролог, затем усилить их вдвое цимбалами и лунными барабанами и время от времени — сталкивать Берлиоза с подиума, чтобы тот подчинял себе оркестр, а затем соскакивал в зрительный зал, уже в качестве музыкального критика композитора, хора и Человека со Стреляющей Бородой. Оттуда Шоу мог бы совершить прыжок в ближайший планетарий, дабы сообщить Космосу и Богу и Всему Доминиону о межпланетных возмущениях и уменьшениях. Итак, на громадной арене Космической Истории — услышанный сценический шепот, исходящий из суфлерской будки, где притаившийся Дж. Б. Ш. мог бы стать хореографом Моисея с чистой скрижалью, Христа, готового исчезнуть из могилы как великая иллюзия, и Теории Большого взрыва, изображенной в виде несуществовавшего хлопка из пугача.

Возможно ли осуществить такое? При тщательном проектировании мы могли бы сплавить Шоу с Берлиозом на флоридских дюнах после 2001 года. Они же, в конце концов — Основоположники Благоговейного Ужаса. Молодняк — Спилберг, Лукас и Кубрик — всего лишь Промоутеры. Они не создали Вселенную. Это Шоу парил над просторами, чтобы оплодотворить космические яйца.

С его Мафусаиловым разумом, пережившим его тело, он был целым комитетом, который сотворил не пресловутого верблюда, а Ламаркова жирафа.

Шея у которого, кстати, никогда не перестанет расти!

1997